

Секция
«ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ:
ОФИЦИАЛЬНОЕ, НАРОДНОЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ»

УДК 821.161.1 ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ПОЭЗИЯ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Баранов Сергей Юрьевич
доцент, кандидат филологических наук
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
sb.corde@mail.ru

В статье рассматривается отражение темы Великой Отечественной войны в творчестве поэтов Вологодского края военных лет. На материале местной периодической и центральной печати выявляются основные направления ее художественной разработки.

Ключевые слова: война, дегуманизация, идеологема, периодическая печать, поэзия, психологизм, тенденциозность.

POETRY VOLOGDA REGION DURING THE
GREAT PATRIOTIC WAR

Baranov Sergey Yuryevich
Associate professor, Candidate of Philology
Vologda State University
Vologda, Russia
sb.corde@mail.ru

Abstract: The article reveals the presentation of the problem of the Great Patriotic war in the poetic works of the authors from Vologda region of that period. Based on the publications in the local and central press the main issues of its artistic development are depicted.

Keywords: dehumanization, idea, periodical press, poetry, psychologism, tendentiousness, war.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

В широко известном советском фильме о Великой Отечественной героине произносятся слова, ставшие крылатым выражением: «Война – это все преходящее, а музыка вечна!» Если слово «музыка» заменить словом «искусство», эти слова могут быть истолкованы как выражение одной из важнейших идеологем периода войны. Наряду с организацией действенного отпора врагу на полях сражений советское государство своей важнейшей задачей считало поддержку культурной жизни вопреки условиям, эту жизнь, казалось бы, исключавшим. Невзирая на грохот пушек музы не должны были молчать. Искусство в годы войны рассматривалась, во-первых, как пропагандистское средство поддержания боевого духа армии и народа, во-вторых, как мировоззренческий противовес фашистской идеологии и, в-третьих, как деятельность с установкой на будущее, на обеспечение полнокровной послевоенной жизни. При этом с 1941 по 1945 годы в искусстве именно тема войны и доминировала – само явление трактовалось как преходящее, движущееся к неизбежному завершению, но на данный момент наиболее значимое и требующее первоочередного образного освоения.

Общие тенденции, характерные для литературы периода Великой Отечественной войны отчетливо проявились и в творчестве писателей, связанных с Вологодским краем. Среди них были и авторы союзного или российского масштаба (А.Я. Яшин, С.С. Орлов, С.В. Видулов), и литераторы, чей круг читателей ограничивался пределами области.

Первые литературные отклики на войну появились в местной периодической печати вскоре после ее начала. 12 июля 1941 года областная газета «Красный Север» опубликовала стихотворение череповчанина Павла Кустова «К оружию!», произведение агитационно-пропагандистского характера, помимо призыва к всенародной борьбе с врагом содержащее и уверенность в победе над ним. 25 июля газета поместила близкое ему по пафосу стихотворение краснофлотца Л. Скурихина «Клянусь тебе Родина!», а 16 августа – стихотворение Гр. Большакова из Шольского района «На подвиг!» Авторы таких стихов чаще всего не являлись профессиональными литераторами и должны были восприниматься читателями как выразители общенародных устремлений, как представители масс.

Конечно, литературные тексты появлялись не в каждом номере газеты, публиковавшей главным образом сообщения Советского информбюро, корреспонденции с фронта, краткие очерки о подвигах героев, материалы об участии в войне других государств, об ударном труде в тылу и о необходимости неуклонно повышать показатели этого труда. Но они были непременной составляющей вологодской периодической печати военных лет. При этом публиковалось далеко не все из того, что присылалось в редакцию. В обзоре, специально посвященном материалам подобного рода, сотрудница «Красного Севера» сообщала, что газета ежедневно получает десятки писем с чаще всего несовершенными в поэтическом отношении, но «глубоко про-

чувствованными, искренними» стихами [1]. Поэтическая волна, о которой шла речь в обзоре, была настолько мощной, что уже весной 1942 года газета смогла выпустить сборник стихов вологодских поэтов немалым для военного времени тиражом 5000 экземпляров [2]. Судя по обзору, по публикациям в газете и по этому сборнику, тематические вариации стихов о войне были разнообразны: бесчинства захватчиков, жажда возмездия, ненависть к врагу, его нравственно-психологическая ущербность, напутствие защитнику Родины, солдатское мужество и стойкость, величие подвига, трудовая и духовная помощь фронту, солдатская дружба, братство советских народов, тесная связь с родными и любимыми, партизанское движение, русская зима – помощник советской армии, борьба с диверсантами, презрение к трусам и предателям, призыв к бдительности, уверенность в победе и прекрасном послевоенном будущем.

Поскольку наземные боевые действия на территории Вологодской области (за исключением Оштинского района) не велись, местные поэты писали в своих стихах или о войне вообще, избегая географической конкретики, или о событиях, происходящих далеко от родных мест, чаще всего на Украине. Их стихи можно расценивать как отклики на информацию, почерпнутую из сообщений радио и из газетных публикаций. Образы родного края возникают обычно в стихах поэтов-фронтовиков («Будто нету меж нами верст Снеговых, что ветрами звенят. Встал в пяти шагах Белозерск С домом нашим возле меня». – С. Орлов «Письмо», 1942; «Ах, родина, лесная сторона! Как все стократ для сердца стало мило...» – А. Яшин «Не умру», 1943).

Как это нередко бывает, малоискушенные в литературе местные авторы стремились подражать получившим широкую известность образцам. Одним из таких образцов стало стихотворение К. Симонова «Убей его!». Впервые оно было опубликовано в газете «Красная звезда» 18 июля 1942 года, на следующий день его перепечатала «Комсомольская правда», а затем оно появилось в «Окнах ТАСС». Это стихотворение породило целый ряд подражаний, автором одного из которых стал лейтенант В. Бурмистров из Великого Устюга. Шесть частей довольно большого по объему стихотворения Симонова демонстрируют разные поводы, по которым солдат должен проникнуться безграничной ненавистью к врагу, седьмая, последняя часть завершается страстным призывом:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей! [3, с. 108.]

В. Бурмистров в стихотворении «Убей немца» ограничивается лишь одной ситуацией, намеченной предшественником, но разрабатывает ее более подробно и вынесенный в заглавие призыв озвучивает устами ребенка, только что пережившего на пороге родного дома смерть матери от немецкой пули: «Дяденька, дяденька, немца убей!» Призыв этот ведет в атаку отряд донских казаков:

Мчались безудержно, мчались лавиной:
Немцев рубили нещадно в бою...
– Это за мальчика, это – за сына,
Это за землю родную мою [4].

Появление стихов подобного рода, направленных на дегуманизацию образа врага, было обусловлено тяжелым положением на фронтах в 1942 году. Позднее, когда в образе советского солдата начали особо акцентироваться черты освободителя, спасителя человечества от «коричневой чумы», носителя высоких нравственных качеств, прямое побуждение к убийству вступило в противоречие с этим образом. Учитывая данное обстоятельство, К. Симонов при последующих публикациях своего стихотворения снял первоначальное заглавие-призыв и стал называть произведение по начальной строчке: «Если дорог тебе твой дом». Но это произошло некоторое время спустя, в иной общественно-политической обстановке.

7 февраля 1942 года А. Яшин записал в своем дневнике слова из выступления Веры Кетлинской на общефлотском совещании писателей, участвующих в обороне Ленинграда: «Надо воспитывать молодое поколение, которое завтра вступит в бой. Просто психологические вещи писать сейчас не следует. Время требует обостренной большевистской тенденциозности» [5, с. 55]. Стихотворения К. Симонова и В. Бурмистрова – выражение такой «тенденциозности». Дань ей отдал и сам Яшин в первые годы войны.

Но наряду с открыто «тенденциозными» из-под пера поэтов-фронтовиков выходили и «вещи психологические», несмотря на то, что писать их «не следовало». Авторы таких «вещей», как правило, не были новичками в литературе и владели художественными средствами выражения внутренней жизни человека даже в ситуациях, когда эта жизнь, казалось бы, наименее доступна для наблюдения и фиксации. Показательным примером того может служить использование опосредованного, подтекстного, но, тем не менее, глубокого психологизма при изображении фронтовой действительности в небольшом по объему, но емком по содержанию стихотворении С. Орлова:

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.

Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали [6, с. 81].

Здесь сам бой непосредственно не показан, он остается вне поля зрения, но оставленные им следы красноречиво свидетельствует о том, что происходило с его участниками. И переживания персонажей словесно никак не выражены. Но молчание танкистов у носилок с вернувшимися из боя товарищами психологически насыщено. В этом молчании – сострадание искалеченным однополчанам и в то же время – скорбь о погибших (из боя «приползли» двое, в то время, как каждый экипаж танка КВ-1 состоял из пяти человек). Молчат танкисты у носилок с ранеными и о себе, потому что наступает их черед исполнять повседневный воинский долг, вести боевые машины туда, где совсем недавно горели друзья.

Без человеческой, психологической составляющей литература периода войны не могла обходиться. Помимо «тенденциозной» публицистики остро ощущалась и необходимость «душевной», интимной лирики. Вот еще одна запись в дневнике Александра Яшина, датированная 20 января 1942 года: «Перечитал стопку газет. Симонов – разездной военный корреспондент <... > В “Красной звезде” были три стихотворения его. “Мы возвращаемся”. Средние стихи. А вот в “Правде” от 14/1 – стихотворение “Жди меня” очень хорошее, человеческое. Многие будут рады ему. Сильный человек Симонов. Зависть гложет меня». [7, с. 49] «Мы возвращаемся!» – это цикл из трех стихотворений о начавшемся после битвы под Москвой движении советских войск в обратном направлении, на запад. В цикле есть и образная конкретика (впрочем, не очень оригинальная, расхожая), и победная риторика, не совсем оправданная, поскольку стратегическая инициатива, сделавшая возможным неуклонное движение на запад, перешла к нашей армии позднее, после Сталинграда и Курской дуги. Издержки «тенденциозной» поэзии, сам их не чуждый, работник фронтовой печати Яшин хорошо чувствовал и понимал. Потому и оценил стихи симоновского «наступательного» цикла как «средние». А вот в стихотворении «Жди меня» он сразу обнаружил черты настоящей, без поправок на специфику военного времени, лирики. Яшин как будто предугадал будущую судьбу этого произведения, получившего всенародное признание и поставленного в ряд наиболее ярких явлений литературы периода войны. Оно так же, как и «Убей его!», дало повод для многочисленных подражаний и перепевов, с той лишь разницей, что его восприятие

имело более личностный характер, а влияние на других поэтов оказалось более широким и долговременным. Отразилось это влияние и на А. Яшине. Так, одно из его лучших лирических произведений, «Назови меня именем светлым...» (1943), являясь вполне яшинским по эмоционально-образным характеристикам, в то же время вписывается в открытый симоновским «Жди меня» ряд стихотворений о спасительной для солдата силе женской любви и верности:

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны –
Я почувствую, оживу [8, с. 105].

Разработку этой темы, продолжил стихотворением «Письмо» (1944) и С.В. Викулов, начинавший свой творческий путь в годы войны:

У меня теперь уже привычка
Перед боем говорить с тобой.
Говорить – не только вспоминая,
дать мечте раскинуть два крыла,
чтобы ты, далекая, родная,
верила, как прежде, и ждала [9, с. 11].

Долгожданная победа положила конец кровопролитным сражениям, но нанесенные войной раны – и телесные, и духовные – продолжали напоминать о себе. «Еще долгие годы после войны поэты-фронтовики словно продолжали жить в ином измерении времени, душой и сердцем находясь среди боевых друзей» [10, с. 91]. Память о войне стала одной из устойчивых тем литературного творчества на все последующие десятилетия. Она способствовала созданию выдающихся произведений русской литературы второй половины XX века. Среди их авторов были и писатели Вологодского края. Но это уже предмет особого разговора.

Литература

1. Кибардина, А. Любовь к Родине (Обзор стихов, поступивших в редакцию) / А. Кибардина // Красный Север. –1943. – 11 апреля.
2. Вперед, товарищи! Сборник стихов вологодских поэтов. – Вологда: Красный Север, 1942.
3. Симонов, К.М. Собр. соч.: в десяти томах / К.М. Симонов. Т.1.– Москва: Художественная литература, 1979.
4. Бурмистров, В. Убей немца / В. Бурмистров // Красный Север.– 1942. – 5 декабря.

5. Яшин, А.Я. Дневники. 1941–1945 / А.Я. Яшин. – Москва: Советская Россия, 1977.

6. Орлов С.С. Собр. соч.: в трех томах / С.С. Орлов. Т. 1. – Москва: Художественная литература, 1979.

7. Яшин, А.Я. Избранные произведения: в двух томах / А.Я. Яшин. Т. 1. – Москва: Художественная литература, 1972.

9. Викулов, С.В. Избранные произведения: в двух томах / С.В. Викулов. Т. 1. – Москва: Современник, 1982.

10. Дюжев, В.И. Память войны: Великая Отечественная война в русской советской литературе Севера / В.И. Дюжев. – Петрозаводск: Карелия, 1977.